

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
Профессор кафедры философии, доктор философских наук*

*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Department of Philosophy, Professor, Doctor of Science (Philosophy)
ilya_dokuchaev@mail.ru*

КАТЕГОРИЯ ЦЕННОСТИ И АКСИОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ, СОЦИАЛЬНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ XX ВЕКА (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ С. Е. ЯЧИНА «СМЫСЛ И ЦЕННОСТИ. К КРИТИКЕ ТЕОРИИ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ»)

В комментарии к статье С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии» представлена полемика с ключевыми тезисами, высказанными в этом тексте против аксиологического метода в культурологии. Негативным аргументом против аксиологии является указание на то, что невозможно говорить о культурах вообще на языке культуры конкретного времени и места. В частности, категория ценности возникает в эпоху капитализма и выражает субъективное отношение человека к миру. Против этого аргумента высказывается соображение, что сам субъект не возник в эпоху капитализма, а является категорией, обозначающей универсальные характеристики человека как свободного и разумного существа. Позитивным аргументом против аксиологии является предположение, что не категория ценности, а категория смысла выступает ключевой методологической и онтологической основой культурологии и культуры, и более того, что культура и есть смысл, то есть то, что предназначено к пониманию. Против этого аргумента высказывается соображение, что смысл – абстрактная и универсальная характеристика культуры, и к ней невозможно свести всю совокупность ее свойств. Смысл идеален, а в культуре есть и материальное начало. Ценность же трактуется как конкретный артефакт

культуры, который благодаря своей соблазнительности и идеальной деонтологии выступает в роли предмета желаний, на основании содержания которого преобразуется безразличный и враждебный мир природы в приемлемый и притягательный мир культуры. Это свойство ценности быть идеалом и моделью культуры позволяет интегрировать всю культуру как в онтологическом (праксеологическом), так и в гносеологическом ключе. Ценность поэтому становится ключевой категорией культуры, а аксиология – ключевым культурологическим методом, позволяющим осмыслить культуру как целое, что и является основной задачей культурологии. В ходе полемики затрагивается роль аксиологической проблематики в ключевых направлениях философии и социально-гуманитарной науки XX века: феноменологии и аналитической философии, герменевтике и психоанализе, экзистенциализме и марксизме. Высказывается соображение, что проблемы ценностей всегда были в фокусе внимания каждого из этих направлений, когда они обращались к вопросам этики и культуры.

Ключевые слова: Ячин Сергей Евгеньевич, культура, человек, ценность, смысл, аксиология, философия XX века, идеальная модель, субъективность, культурология.

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

**THE CATEGORY OF VALUE AND AXIOLOGY AS THE PROJECT OF STUDYING CULTURE IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL AND HUMANITIES KNOWLEDGE OF XX CENTURY
(SIDENOTES TO THE PAPER BY S. E. YACHNIN «SENSE AND VALUES. ON THE CRITICISM OF THE THEORY OF VALUES IN MODERN PHILOSOPHY»)**

In my commentaries to the paper «Sense and Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy» by S. E. Yachnin, I offer a discussion of the key claims made in this paper against the axiological method in cultural studies. The negative argument in the reasoning of the author is the view that we cannot talk about «cultures in general» using the language of a specific culture of its own time and location. In particular, the category of «value» first appears at the time of capitalism – goes on S. E. Yachin – and reflects the subjective attitude of man to the world. Against this statement I make the following observation: the subject itself was not borne at the time of capitalism, it is a category designating certain universal characteristics of man as a free and rational entity. The positive argument against axiology is that not value but sense should be the key methodological and ontological category underlying cultural studies and culture itself; more than that: culture is

sense, i.e. that which is to be grasped and understood. Against this I can say that «sense» is an abstract and universal property of culture to which we cannot reduce the entire collection of its characteristics. Sense is ideal, while in culture we always find a material basis. At the same time, value is interpreted as a concrete, specific culture artefact which, due to its attractiveness and ideal deontology, plays the role of an object of desire, on the basis of whose content the indifferent and alien world of nature transforms itself into the acceptable and attractive world of culture. This characteristic of value – its being an ideal/model for culture – allows us to integrate the whole of culture both ontologically (praxeologically) and gnoseologically. Therefore, value becomes the key category of culture, while axiology – the key method of cultural studies through which we can make sense of culture as a whole, this being after all the main goal of cultural studies. In the discussion, I also touch upon the role of axiological problematics in the key areas of philosophy and social-humanities studies of XX c.: phenomenology and analytic philosophy, hermeneutics and psychoanalysis, existentialism and Marxism. I put forward an idea that the problems of values have always been in the focus of each of these disciplines when they addressed the issues of ethics and culture.

Key words: Yachin Sergey Yevgenyevich, culture, man, value, sense, axiology, philosophy of the XX th century, ideal model, subjectivity, cultural studies.

Полемика вокруг перспектив аксиологии как ключевого метода изучения культуры началась не сегодня, однако она до сих пор имеет смысл в качестве инструмента уточнения как содержания самого категориального аппарата

аксиологии, так и механизмов применения этой терминологии и процедур к конкретным сферам культуры. В этой связи статья Сергея Евгеньевича Ячина демонстрирует ряд принципиальных соображений(хотя и не все возможные) которые

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

можно было бы высказать против аксиологического проекта. Фактически все высказанные С. Е. Ячиным соображения показались мне неприемлемыми, однако, тем не менее, они интересны в плане полемической разработки аксиологического метода в культурологии, что и послужило поводом для создания развернутого комментария, предлагаемого в настоящей работе.

Существование негативного аргумента С. Е. Ячина состоит в том, что категория ценности есть продукт философии Нового времени, и поэтому претензии аксиологии на универсализм безосновательны. Дело, однако, не только в языке эпохи. Поскольку нововременный смысл категории ценности заключается в том, чтобы свести все формы культуры к производным результатам субъективных идеалов человека, она также не может претендовать на универсализм. Субъект (и как языковая, и как онтологическая конструкция) есть продукт эпохи капитализма, и поэтому смысл категории ценности должен быть истолкован в духе языка этой эпохи, с ее стремлением к извлечению прибыли, а также товарно-денежными отношениями, существо которых и есть подлинное содержание категории ценностей. Положительным аргументом С. Е. Ячина является утверждение о том, что подлинное существо культуры есть смысл, или то, что предназначено к пониманию. Критику этой аргументации я не хотел бы производить в форме изложения собственных взглядов на проблему, а разверну ее как последовательный комментарий к наиболее сомнительным и наиболее принципиальным аргументам статьи «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии». Мой комментарий будет построен в форме критики ряда ключевых тезисов статьи, расположенных от начала ее текста до конца. В соответствии с этой логикой содержания статьи будет развернут и комментарий.

1. В начале статьи С. Е. Ячин утверждает, что категории ценности предшествовали в истории философии другие категории, описывавшие сходные предметы, но имевшие другие обозначения, в частности, категория благо, мыслившаяся не субъективно (релятивно), а объективно. С. Е. Ячин пишет: «Благо, в соответствии с давней философской и религиозной традицией, понимается как сущее само по себе, т.е. онтологически». Действительно, образец подобного понимания можно найти у Платона. И, действительно, в этой категории смешаны субъективные (релятивно-аксиологические) и объективные (абсолютно-аксиологические) аспекты идеала. Благо, более того, есть синтез истины, добра и красоты, то есть аксиологических и гносеологических форм. Поэтому нельзя говорить ни то, что Платон был аксиологом, ни то, что идея блага и категория ценности содержательно совпадают. Однако нельзя отрицать и того, что они пересекаются, поэтому мы не можем утверждать, что Платону идея ценности, или идеала не была известна. Однако он онтологизировал ее, признав объективной идеей и смешал с другими формами отношения субъекта и мира. Средневековая философия эту онтологизацию посредством отождествления идей Блага и Бога переформулировала, но в целом сохранила. В новое время субъективные и объективные аспекты бытия были четко разведены. Однако спор о том, объективна ли или субъективна ценность, а также о том, в чем ее специфическое отличие от других форм культуры, активно продолжается. Согласно основоположнику аксиологии Г. Риккерт, благо – это артефакт культуры, в котором воплощена ценность. То есть благо – это результат человеческой деятельности, противостоящий его идеалу (ценности). О ценности же Г. Риккерт пишет: «ценность – это духовная цель, жизненная практическая установка, выражающая

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

живой нерв культуры, её смысловое ядро, отражающая динамику культуры»¹. Г. Риккерт никогда не онтологизировал ценности, хотя их онтологический статус был для него проблемой. Это означает, что ценности не существовали для него объективно, как идеи Платона, но и субъективными их Риккерт не называл, понимая субъективное как индивидуальное и коллективное сознание. Социальную форму бытия, к которой вроде бы только и можно было отнести ценности после отрицания их психического и физического статуса, Риккерт вообще считал только конструкцией.

2. Мое понимание ценностей как формы отражения бытия основано на различие двух способов деятельности, формирующей культуру: отражения и преобразования. Отражение осуществляется в форме познания, ценностных ориентаций и художественного творчества. С. Е. Ячин пишет: «В рамках критической миссии философии, ценности могут и должны быть осмыслены не как формы отражения бытия, но как его релятивные символические репрезентации». Без дополнительных разъяснений, которые С. Е. Ячин не делает, приходится констатировать что символическая репрезентация и отражение – одно и то же.

3. Негативный аргумент против аксиологии С. Е. Ячин подкрепляет утверждением о том, что вся истории философии, социологии, гуманитарного знания и наук о культуре не считаются с аксиологической проблематикой. В частности, он пишет: «феноменология, экзистенциализм, философская герменевтика, философия постмодернизма, психоанализ, аналитическая философия, постмарксизм (включая критическую теорию франкфуртской школы) – либо вообще не считаются с аксиологи-

ческой проблематикой, либо отводят ей крайне незначительное место». Ложность данного утверждения я продемонстрирую ниже.

4. Существенным аргументом против универсализма аксиологии С. Е. Ячин считает то обстоятельство, что язык аксиологии стал формироваться в эпоху капитализма; он пишет: «историко-философский факт состоит в том, что эта парадигма имеет социокультурные основания в эпоху, когда индивид начал концентрировано понимать себя в качестве субъекта». Из этого следует, что были времена, когда человек не был субъектом. Что же понимается под «субъектом»? Термин введен в философский оборот Аристотелем (греч. «υποκειμενον»), как логический аналог онтологическому термину «сущее». Однако в Новое время он стал пониматься как фундаментальное выражение сущности человека в его противопоставлении миру вещей. Об этом фундаментальном различии наиболее ярко свидетельствуют персонализм (в частности В. Штерн в своей книге «Личность и вещь») и философская антропология (в частности М. Шелер и его книга «Положение человека в космосе»). Под субъективностью понималась либо логическая противоположность познающего познаваемому, либо онтологическая противоположность свободной и разумной личности детерминированной вещи. Исходя из логики возникновения субъекта в эпоху капитализма, можно утверждать, что человек возник именно в это время, что абсурдно. Такого рода аргумент можно обернуть и против самого автора этого аргумента. В самом деле, логику смысла и логику языка, провозглашающую запрет на то, чтобы использовать в качестве языка описания той или иной культуры, термины, возникшие в языке других культур и эпох, тоже необходимо мыслить как логику определенной эпохи, а именно – эпохи Постмодернизма, с ее

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 247.

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

отказом от монизма истины, с ее попыткой растворить онтологию в языкознании и метафорологии, в истории и т.п. Таким образом, ее следует применять исключительно к реалиям этой эпохи, а не универсально. Однако, как и в любом другом историческом проекте философствования, в Постмодернизме есть рациональное зерно, но это не означает, что он имеет радикальное преимущество по отношению к философским проектам, чей язык возникал в прежние времена. Это не означает и то, что язык и смыслы возникли в эпоху Постмодернизма.

5. Еще один тезис С. Е. Ячина, с которым нельзя согласиться, выглядит следующим образом: «универсальная аксиология всячески избегает упоминания о фундаментальной связи ценности с прозаической операцией оценки». Оценка всегда противопоставляется отнесению к ценности, у Г. Риккерта и М. Вебера, например. Оценка – укорененный в истории и повседневном бытии человека факт, то есть соотнесение идеала и факта культуры в сознании их носителей и деятелей; а отнесение к ценности – научная процедура, включающая реконструкцию ценностной системы эпохи и соотнесение с ней фактического содержания эпохи.

6. Цитата из Ж.-П. Сартра («Ценность находится вне бытия <...> быть ценностью – значит не быть бытием») не уничтожает понятие ценности (что предполагает С. Е. Ячин), так как никакой аксиологический разум не стремился обосновать ценность как форму бытия, но лишь как форму его отражения, а именно – активного преобразующего отражения. Ж.-П. Сартр пишет о ценности как о бытии вне бытия; сразу после приведенной выше цитаты он пишет: «Однако, если не отделяться словами, нужно признать, что это бытие вне бытия

обладает некоторым образом бытием. Эти соображения достаточны, чтобы допустить, что человеческая реальность является тем, посредством чего ценность приходит в мир. Итак, ценность имеет для смысла бытия то, к чему бытие возвышает себя; всякий оценивающий акт является отрывом своего бытия к... Ценность, будучи всегда и повсюду по ту сторону всех возвышений, может быть рассматриваема как безусловное единство всех возвышений бытия. И этим она образует пару с реальностью, которая с самого начала возвышает свое бытие и посредством которой возвышение приходит в бытие, то есть с человеческой реальностью. Отсюда следует, что ценность, будучи безусловно вне всех возвышений, должна быть первоначально вне самого бытия, которое возвышает, так как это единственный способ, которым она может быть с самого начала вне всех возможных возвышений»². Оторванная от контекста цитата, конечно, может сбить с толку и заставить думать, что Сартр не признает существование ценностей, но возвращенная в свой контекст, она показывает только то, что для Сартра понятие ценности является таким же ключевым, как и понятие бытия.

7. Похожее утверждение С. Е. Ячина о том, что М. Хайдеггер отрицал онтологическую и эвристическую роль понятия ценностей, также не выдерживает критики. С. Е. Ячин пишет: «поскольку мир притягателен (в классической терминологии: «бытие есть благо»), то он и ценен. Такой ход мысли вполне соответствует установке современного массового сознания, которое исходит из себя не потому, что нечто просто есть, но только тогда, когда это нечто представляет для него некую ценность. Но совсем не таков ход мысли «классического экзистенциализма». Для него, нужно сначала

² Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 77.

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

быть, чтобы затем и при определенных условиях – стать ценностью». На это можно сказать только, что человек не просто есть, он есть, пользуясь словами М. Хайдеггера, как сущее, задающее вопрос о бытии, а этот вопрос задается из состояния заботы об этом бытии, в основе которой лежит представление о том, ради чего эта забота, лежит идеал, или ценность, то есть высшая форма осмысления. Иметь идеалы – свойство всякого сознания, а не только массового. Вот цитата из М. Хайдеггера, на основании которой была сделана эта попытка приписать Хайдеггеру такого рода негативную позицию по отношению к онтологии ценностей: «Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Она оставляет сущему не быть, а – на правах объекта оценки – всего лишь считаться. В своих странных усилиях доказать во что бы то ни стало объективность ценностей люди не ведают, что творят. Когда «бога», в конце концов, объявляют «высшей ценностью», то это принижение божественного существа»³. Здесь отрицается не ценность как специфический способ отношения человека к бытию, а смешение бытия и ценности, объективация ценности. Да, существует объективистские теории ценностей (например, Н. О. Лосский предложил версию подобной теории в книге «Ценность и бытие»). Но это – теории, абсурдные в своей логической структуре, ибо субъективное в них объявляется объективным. Об этом М. Хайдеггер и пишет. Н. Лосский или Д. фон Гильдебрандт объявляют Бога ценностью, поскольку полагают, что ценностный релятивизм ведет к аморализму (вот характерное утверждение Н. Лосского: «для того, чтобы твёрдо держать линию поведения и направления на Царство Божие с Богом во главе Его, защита абсолютизма и объективизма в аксиологии не

³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 212.

менее необходима, чем защита абсолютизма и объективизма в гносеологии»⁴.) Однако ценностный релятивизм не объявляет Бога ценностью, ибо Бог – категория, претендующая на статус объективно существующего. И в этом ключе, он может иметь или не иметь ценности, быть связанным с антиценностью, например, в сознании атеиста. М. Хайдеггер – философ очень большой, и высказывания его о различных предметах весьма и весьма многообразны. О ценностях он писал по-разному. В курсе лекций «Феноменология и трансцендентальная философия ценности» он утверждал: «Философия ценности оказывается истинной научной философией культуры»⁵. В более позднем сочинении, под названием «Европейский нигилизм» М. Хайдеггер был предельно лаконичным, определив связь понятия ценностей с понятием цели и основания бытия человека: «Вопрос о ценности и ее существовании коренится в вопросе о бытии»⁶.

8. В связи с этим можно следующим образом ответить на вопрос С. Е. Ячина: «Каким образом И. И. Докучаев обходит это «неприятие» идеи ценности в её онтологическом статусе ведущими экзистенциалистами?». Ведущие экзистенциалисты от идеи ценности никогда не отказывались и не обходили ее вниманием. Цитата из «Бытия и ничто» это отчетливо доказывает. М. Хайдеггер не критиковал аксиологию как таковую, но ее абсолютистский вариант, изложенный в духе идей Лосского. Его позитивные суждения о ценностях также хорошо известны; высказав суждение о существ-

⁴ Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. С. 314

⁵ Хайдеггер М. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. Киев: Издательство «Cartel», 1996. С. 38.

⁶ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 71.

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

ве ценности в связи с вопросом о бытии, Хайдеггер продолжает: «существо ценности стоит во внутренней связи с существом цели. Опять мы касаемся коварного вопроса: является ли что-то целью потому, что оно ценность, или что-то становится ценностью лишь поскольку оно положено как цель? Возможно, это или-или остается формулировкой пока еще недостаточного, сути проблемы еще не достигающего вопроса... Те же соображения напрашиваются в том, что касается соотношения ценности и основания. Если ценность есть то, о чем во всем постоянно идет дело, то одновременно она оказывается тем, в чем имеет свое основание всякое «дело», в нем пребывая и из него черпая свою устойчивость».

9. Невозможно согласиться и со следующей интерпретацией С. Е. Ячина, касающейся моего понятия ценности: «Предлагая понимать ценность как «идеальную модель какого-либо явления», автор создает композит, в котором смешаны принципиально разные смысловые процессы». В этом анализе моей концепции – намеренное искажение смысла высказанного суждения.

а) Оно вырвано из контекста, в котором принципиально разные смысловые процессы подробно разведены. Привожу полностью текст «Под ценностью мы понимаем идеальную модель какого-либо явления. Идеальность трактуется как набор требований к этому явлению, которое, стало быть, необходимо либо изменить, либо соотносить (оценить) в соответствии с моделью. **Модель эта включает субъективные требования человека,** которые, однако, трудно отделимы от объективных. Важнейшей характеристикой подобной субъективности является целостность. Целостность имеет двойной смысл. Во-первых, речь идет о выражении целостного бытия человека, то есть его духовно-психического бытия в интеллектуальном,

волюнтаристическом и эмоциональном планах. Во-вторых, речь идет о целостности проявлений аксиологической модели в мире, то есть о тотальном характере охвата мира ее структурными элементами. Мир предстает заданным своеобразной ценностной структурой, каждое явление мира имеет свою аксиологическую модель, и все эти модели интегрированы в рамках единой. Такое свойство ценности мы будем называть ее интегральностью»⁷. Таким образом, речь идет не о композите, а о специальном теоретическом конструкте, который выделяется из ряда аналогичных, и прежде всего, в отличие от истины и других результатов познания.

б) В главе, посвященной различию ценностных и когнитивных форм отражения бытия – «Ценность и истина», – приводится и анализ различий содержания понятий «ценностная модель» и «истина». «Движение деятельности в познании направлено от объекта к субъекту, от данности к концепции, а в ценностной ориентации – наоборот, от ценностной модели к объекту»⁸.

10. Продолжая анализ моей работы «Ценность и экзистенция», С. Е. Ячин задает риторический вопрос: «почему бы платоновский эйдос и гегелевское понятие не назвать ценностями?». Отвечаю: нигде в «Ценности и экзистенции» не говорится, что понятие и ценность – одно и то же. А вот у Платона – важнейший эйдос, объединяющий все остальные, это эйдос Блага. И вот этот конструкт – и есть, то против чего возражал бы Хайдеггер, это и есть смешение субъективного и объективного. Например, пользы как объективного положительного состояния субъекта (порожденного объективным миром, поскольку субъект есть часть

⁷ Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. С. 20.

⁸ Там же. С. 94.

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

этого мира) и ценности как субъективного положительного состояния субъекта.

11. Антиаксиологический пафос С. Е. Ячина заводит его очень далеко; он начинает отрицать даже ценностные аспекты обыденных человеческих взаимоотношений: «Не случайно о действительно любимом мы говорим: «бесценный <мой>». Странно в устах матери будет звучать фраза, обращенная к ребенку: «Какая ты для меня ценность!». В первой фразе аксиологический момент очень ощутим, она означает признание абсолютности ценности ребенка, не соотносимой со шкалой каких-либо оценок. Это выведение за пределы шкалы еще не значит, что речь идет об отказе от ценностного отношения как такового. Этот отказ был бы ощутим (хотя не обязателен) в суждении такого рода: «Я знал, что родил смертного» (Анаксагор о смерти своего сына). В последней фразе просто указывается на то, что философская речь стилистически не вяжется с речью обыденной. Так же можно говорить и о том, что фраза о ребенке «Какое ты для меня Благо!» или «Какая ты для меня Благодать» звучат либо фальшиво, либо искусственно.

12. Нельзя согласиться и с упреком С. Е. Ячина, высказанным им по отношению к этическому содержанию аксиологии: «Особую слепоту проявляет аксиологический разум, когда он пытается редуцировать моральное сознание к нормативной (модельной) оценке». Подлинная природа морали – не в нормах поведения, а в «коммуникативном механизме децентрации первичного эгоцентризма». Однако без нормы никакая мораль невозможна. И такую редукцию можно осуществлять по-разному. Так, Н. О. Лосский делал ее, просто объявляя все моральные принципы ценностями, извлеченными из религиозного опыта. Это говорит

о том, что субъективный характер ценности нельзя сводить к эгоцентризму, ибо субъективность может быть и социальной, общество и церковь – тоже субъекты. Поэтому смещение позиции от эгоцентризма к альтруизму как обоснование идеи морали вполне согласуется с аксиологическим проектом обоснования морали. Причем ее можно обосновать и с позиции аксиологического релятивизма, противоположной позиции Лосского.

13. С. Е. Ячин неоднократно и намеренно искажает позицию аксиологии, чтобы иметь возможность ее критиковать. Вот пример подобной искажающей деформации: «Ценностно-ориентированные бытие современного человека и философия, защищающая такой модус существования, предполагают, что мир имеет значение, поскольку он объективно значим для жизни субъекта. Кажется, что тем самым ценность обретает онтологический статус кажется, что существование ценностей не зависит от их оценки». Наоборот, именно в силу того, мир может быть значим благодаря субъективным идеалам, а не сам по себе, и возможна идея аксиологической философии. И ценность не может получить онтологический статус такого рода – то есть статус объективного мира.

14. Особенно проигрышной выглядит позиция С. Е. Ячина в связи с его анализом роли ценностей в экзистенциальных (предельных) ситуациях: «Экзистенциальная аналитика точно знает, что в предельных («Абсолютных») ситуациях, когда человек стоит перед неизбежным, когда человек утверждает: «на том стою – и не могу иначе», ценностная структура сознания (со всей её атрибутикой) перестает работать, но здесь перед ним обнажается смысловая ткань бытия». Смерть как предельная ситуация человеческого бытия может заставить и

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

отказаться от ценностей, которые были идеалами человека на протяжении его жизни. В ситуации такой смерти человек оказывается перед лицом абсурда и страха, которые заставляют его совершать поступки, за которые ему может быть стыдно, например, в случае, когда все-таки удастся выжить. Однако бывают и такие смерти, в которых человек умирает во имя своих идеалов, такие смерти, в которых абсурд и страх не получают экзистенциальной роли. Именно об этом и говорится в тезисе: «На том стою, и не могу иначе». А отказ от этого стояния, то есть ценностей, и есть – предательство собственной жизни, предательство ценности во имя страха перед бытием.

15. Закljučая свое теоретическое введение, С. Е. Ячин вводит свой позитивный тезис о культуре, пытаясь редуцировать ее к сфере смысла: «принципиально важным является различие смысловых и ценностных структур сознания. Аксиологи же пытаются обойти это экзистенциальное и категориальное различие, обозначая ценностью всё, что имеет значение (всё то, что имеет целевую функцию). Здесь обнаруживается идеологическая миссия аксиологии, как теоретического оправдания жизненного мира потребителя благ». Из высказанного выше видно, что различие между страхом и ценностью в предельной экзистенциальной ситуации не обходится аксиологией. Никогда аксиология не оправдывала и потребление, она вообще ничего не оправдывает, она пытается просто реконструировать систему ценностей той или иной культуры и соотнести с ней наличную фактичность этой культуры. Понимание аксиологии как ключевого метода изучения культуры основывается на том, что культурология нуждается в прояснении своего предмета не как универсалии, вроде знака или смысла, а как конкретного явления, но при этом такого, который бы определял целостность

всех многообразных проявлений культуры, всех групп ее артефактов. Аксиология не сводит культуру к ценностям, отдавая себе отчет в том, что ценность – лишь вид артефактов культуры, однако кардинальный вид, ибо ценность есть порождающая модель всех остальных артефактов культуры. Редукция же культуры к смыслу не может быть оправдана, ибо нельзя обозначить смыслом вещь, состоящую из материи и формы. Вся сфера материальной культуры исключается в таком случае из предметного объема культурологии. Наконец, смысл – более абстрактная и общая категория, чем ценность. Смысл экзистенциально безразличен. Ценность есть вид смыслов, но такой вид, который выделяется своей значимостью в жизни человека, ибо он выступает идеалом этой жизни, тем, что не просто предназначено к пониманию, а тем, что влечет за собой и соблазняет, что заставляет действовать и менять мир.

16. Вторая часть статьи представляет собой попытку дискредитации аксиологии с помощью обращения к различным ключевым философским и социально-гуманитарным направлениям науки XX века. Каждое из таких направлений, по мнению С. Е. Ячина, не имеет либо никакого отношения к проблематике ценностей, либо включает ее факкультативно. Начнем последовательное опровержение этого тезиса.

Он абсолютно неверен по отношению к феноменологии. Феноменология отнюдь не игнорирует категорию ценности. В ряде концепций эта категория играла ключевую роль. У М. Шелера можно обнаружить своеобразный синтез релятивистской и абсолютистской аксиологии. Привожу список основных его работ, все они посвящены проблеме ценностей: «К вопросу о взаимосвязи между принципами логики и этики»; «Формализм в этике и материальная этика ценностей». Феноме-

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

нологию ценностей ярко представляет Н. Гартман в своей «Этике». Вся этика Гартмана основана на аксиологическом подходе. Речь о ценностях ведётся и в его работах онтологического характера. Нельзя не упомянуть и основную работу А. Мейнонга «О теории предметов». В этой онтологической работе ценности оказываются одним из видов предметности, который соотносится с другими видами (объективным миром и субъективными желаниями). Среди учеников Эдмунда Гуссерля аксиологической проблематикой занимались Д. фон Гильдебрандт (в его основной работе «Этика»), Р. Ингарден (в его работе «Переживание, искусство и ценность»). Эдмунд Гуссерль посвятил проблеме ценностей специальный курс лекций⁹. Для его творчества проблема ценностей не была существенной, хотя кризис европейского человечества, который он описывал в последних своих работах, объясняется забвением «жизненных нужд», под которыми понимаются смыслы и их ядро – ценности. Анализ смыслового горизонта феноменов и трансцендентального генезиса совершенно не исключает аксиологического исследования, ибо в горизонтах культуры без ценностей невозможно обойтись.

17. Невозможно согласиться и с антиаксиологической трактовкой психоанализа, данной С. Е. Ячиным: «Идея ценности не может играть сколько-нибудь существенной роли в психоаналитическом понимании человека, культуры и общества». Между тем, в психоанализе проблема ценностей ставится в контексте разговора о суперэго, символическом и т.п., и играет ключевую роль. Понятие суперэго у З. Фрейда представляет собой

композицию совести и эго-идеала, как контролирующих и поощряющих поведение ребенка аспектов. И именно эти аспекты – полностью аксиологические. Особенно эго-идеал – который является совокупностью ценностей других, на поощрение которых следует ориентироваться.

18. Относительно «антиаксиологизма» марксизма можно согласиться с автором комментируемой статьи, но этот антиаксиологизм – не столько достоинство, сколько беда марксистской философии. С. Е. Ячин пишет: «Если с этой (марксистской – И. Д.) позицией рассматривать культуру, то её матрицей будет не система ценностей (как предлагает аксиология), но социальные антагонизмы». С этим тезисом я принципиально не согласен по другому поводу, ибо матрица культуры, согласно марксизму, – не социальные антагонизмы, а уровень производительных сил, среди которых главное – средства производства, или материальная культура. К. Маркс так лапидарно сформулировал основной тезис и итог его работы: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил»¹⁰. Марксизм в своем понятии надстройки, однако, также не может обойтись без понятия ценности. Безусловно, в марксизме именно динамика производительных сил, а не система ценностей, есть ключ к пониманию истории культуры. Понятие ценности (Wert) К. Маркс постоянно использует только в экономическом контексте, противопоставляя его понятию цены. Однако роль производи-

⁹ Husserliana 28. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre. 1908-1914. [Lectures on ethics and value theory, 1908-1914.] Edited by Ullrich Melle. The Hague, Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1988.

¹⁰ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т.13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 5.

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

тельных сил возможно сохранить и в рамках аксиологии. Так делал, например, М. С. Каган. В работе «Ценность и экзистенция» динамика производительных сил рассматривается как один из ключевых – наряду с ценностными установками – аспектов, определяющих ход истории. Почему социальные антагонизмы только маскируются аксиологическими структурами (как утверждает С. Е. Ячин, и это утверждение содержит родимое пятно советской философии в ее наиболее грустных вариантах), но не могут объясняться антагонизмами ценностных ориентаций? Например, Реформация? Без привлечения идеологий и религий как ценностного фактора невозможно объяснить исторический процесс (как это убедительно показано Максом Вебером). Однако в целом следует признать, что попытка нивелировать ценностные основания социальных антагонизмов – ахиллесова пята марксизма.

19. Вызывают сомнения и суждения С. Е. Ячина о роли аксиологических категорий в аналитической философии и лингвистике: «Только в рамках производности «ценности знака» от его смысла и значения стало возможным целое направление – аксиологическая лингвистика». Значимость знака не может быть производной от его значения, ибо по Ф. де Соссюру, значение знака ограничивается не референцией к миру (определяется не вещами, которые он обозначает), но другими знаками. Кроме того, значимость и ценность – не одно и то же. Ибо значимость есть просто системное свойство конкретного языка, а ценность – есть структура, моделирующая идеалы культуры. Язык выражает ценности в содержании своей значимости, но он развивается намного медленнее, чем меняются ценности и ценностные системы. Для аналитической философии и лингвистики понятие ценности не очень интересно просто потому,

что они занимаются другими проблемами – не проблемами истории, свободы, культуры, а проблемами соотношения сознания и тела, проблемой языка. Ничего в этих проблемах не исключает аксиологических тем, но они просто несущественны в данном аспекте. Можно привести целый список работ, написанных в рамках аналитической философии и посвященных проблеме «ценностных суждений». В частности, речь идет о вопросе их «когнитивного статуса». См. например, работы А. Дж. Айера, Дж. Урмсона, Р. Брандта, Р. Хезера и других.

20. Герменевтика также использует понятие ценности, и оно является ключевым в концепции В. Дильтея. Само понятие «понимания» есть у Дильтея процесс соотнесения субъективного смысла с социальными ценностями (единым духом эпохи). Смыслы не противопоставляются ценностям, а рассматриваются как родственные структуры духа, как индивидуальное и социальное (см. об этом «Описательную психологию»). Ценность есть разновидность смыслов, это идеал, который в отличие от понятия или художественного образа, оказывает формирующее действие, но представляет собой идеальный факт. Материальных ценностей, так же, как и материальных смыслов, не существует, что роднит эти категории и делает их предметом герменевтики. Аксиология включает герменевтические процедуры, ибо сама попытка реконструкции ценностных систем и соотнесения их с имеющимися артефактами (отнесение к ценности и определение размера и причин интервала между ними и культурой) не может не быть герменевтическим делом.

Общий вывод о роли категории ценности в современной науке таков. В целом можно сказать, что ни одна ключевая философская традиция не обходится без понятия ценностей, но используют они его в той мере, в какой имеют потребности об-

Илья Игоревич ДОКУЧАЕВ / Ilya DOKUCHAEV

| Категория ценности и аксиология как проект исследования культуры в истории философии, социального и гуманитарного знания XX века (заметки на полях статьи С. Е. Ячина «Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии») / The Category of Value and Axiology as the Project of Studying Culture in the History of Philosophy, Social and Humanities Knowledge of XX century (Sidenotes to the Paper By S. E. Yachnin «Sense And Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy») |

ратиться к проблеме свободы и этике, проблеме места человека в космосе и сущности культуры. Обвинять аксиологию в том, что понятие ценности не всегда анализируется в том или ином контексте,

все равно, что, не найдя понятие «коровы» в каком-либо научном контексте, помимо «специального корововедения», утверждать, что коровы несущественны для сельского хозяйства.

